

Галина Астраханкина: Когда мы были молодыми...

Ну вот, подготовилась я с помощью Антонины Михайловны и поехала поступать в Свердловск.

Конкурс на одно место был аж 200 человек. Девочки все из не бедных семей. С чернобурками да песцами на плечах. В чулках фельдиперсовых.

И я вроде из интеллигентной семьи. Но с ципками на руках от станочной эмульсии.

Читала Полонского «Орел и змея». Это коротенькое произведение, но Антонина Михайловна мне подсказала, что длинное комиссия слушать не будет.

Рассказ «чувствительный». Как змея упростила орла взять ее в полет. Вот она налеталась, а когда орел вернулся на землю, ужалела его.

Читала эти стихи и плакала навзрыд.

В перерыве девчонки меня обнимали и говорили, что я очень хорошо выступила.

Еще пела песню. Мужскую. Однако... в списках прошедших на второй тур себя не нашла.

Я конечно в слезы. Вдруг слышу — Галина Астраханкина, в деканат!

Иду, реву. Да еще дома, мама, провожая, своеобразно напутствовала — «чтоб ты провалилась!» Так она театральное искусство ценила. Раньше ведь многие считали, что в театрах одни проститутки работают.

В общем, декан мне говорит, не реви, у всех впереди еще два тура, а тебя уже сейчас приняли. Так что езжай на свой завод и рассчитывайся.

Приехала домой раньше срока, мать мне — ну что, провалилась? А я — вот она справка о поступлении!

После окончания института был сезон в театре уральского города Ирбита, куда на ярмарку приезжал петь Шаляпин и где в театре на потолке в зале была роспись на церковную тему. Ангел там имел лик Комиссаржевской. Его всё замазывали, затирали, а лик проступал снова и снова.

Следующая остановка в Йошкар-Оле. Там, к сожалению, худрук театра воспылал ко мне страстью. Мужу (мы с Георгием Ивановичем к тому времени уже поженились) я ничего говорить о домогательствах не стала, иначе он худруку бы голову оторвал, а просто настояла на отъезде.

Работали в Вышнем Волочке.

Собирались в Вену, в русский театр, но его перед самым нашим приездом расформировали.

А вскоре Георгию Ивановичу предложили место директора Камчатского театра.

Так вот в 1956 году мы оказались на Камчатке...

Работать на Камчатке было интересно. Обком партии театр поддерживал. Спектакли, как, например, «Валентин и Валентина», «Иркутская история», запрещенные к постановке в других краях и областях Советской России, камчатский театр с оглушительным успехом ставил. Правда, бывало и так, что выкупленные по рекомендациям обкома КПСС билеты на некоторые дежурные, «ленинские» пьесы, давали только финансовую прибыль — зал пустовал, ибо камчатский народ «на Ленина» не очень-то ходил.

При театре в те годы существовал Художественный совет. Мы по ночам прочитывали огромное количество пьес и некоторые из них рекомендовали к постановке.

Кстати, Дмитрий Иванович Качин, тогдашний первый секретарь обкома КПСС, очень любил театр и всегда выкупал

билеты. Вот сотрудники отдела пропаганды обкома больше норовили «на халяву».

И Владимир Афанасьевич Бирюков всегда и на спектакли ходил, и театру помогал.

И Качин, и Бирюков были люди образованные и не чванливые.

Кстати, очень помогали с квартирами.

Власть вообще должна помогать театру. Любая власть, хоть коммунистическая, хоть демократическая, хоть царско-императорская. Не вмешиваться в творческий процесс, но помогать.

Или хотя бы не мешать. Но и театр должен ясно понимать свою ответственность

перед обществом, и перед публикой. В стране должны жить культурные, интеллигентные люди. Театр этому способствует.

xxx

В камчатском театре народной артисткой Российской Федерации Галиной Васильевной Астраханкиной было сыграно более двухсот ролей.

Были удачи и потери. Звания и награды.

Зависть некоторых коллег и, к счастью, любовь и почитание публики.

**Монолог
народной артистки
Российской Федерации
Галины АСТРАХАНКИНОЙ
записал Сергей БЫЧКОВ.**

Я родилась в Перми. Как говорил Горький про пермяков, «Пермяк соленые уши» — соль там добывали. Папа был с Волги из поселка Красный Яр. Работал на пароходах, которые ходили по Каме и Волге. Позже отец окончил институт и стал работать инженером-конструктором на артиллерийском заводе. На котором и мне, в войну, довелось трудиться.

В Перми он с мамой познакомился.

Папа играл на гитаре и хорошо пел. Впрочем, мама его критиковала — мол, развел свои саратовские страдания.

А мне эти «страдания» нравились. Театр, музыку я очень любила. Да и государство заботилось о культурном воспитании населения — профсоюзный комитет выдавал специальные книжечки на бесплатное посещение концертов, театральных и балетных спектаклей.

Помню первый раз, зимой мы ехали в Оперу на «Снегурочку». Трамвай тогда плохо ходили. Так отец достал лошадь, и мы какими-то переулками мчались, чтобы успеть на спектакль.

Успели. Сидели высоко, на балконе, слушали оперу, и я рыдала, когда Снегурочка таяла...

Когда началась война, мальчики ушли на фронт.

Из нашего класса сорок два.

Вернулись домой двое...

Жизнь в Перми кипела войной и искусством. На Урал эвакуировали много учреждений культуры и искусства из Ленинграда, Киева, Москвы.

Мы ходили на Уланову, Дудинскую, Лепешинскую... Девчонки даже разбились на группы фанатов, как сейчас говорят.

Дудинская как-то пригласила к себе в гости. И говорит — пойдемте к Хачатуряну. Он написал новую музыку, позвал в гости, а я попросила разрешения взять вас с собой.

Так мы попали к Араму Ильичу в гости. Хачатурян нам играл. Это было так здорово.

Я работала токарем на заводе. Вот бегу на работу. Темно, страшно в подворотне, сама себя успокаиваю — надо же стране помочь. Вот ведь такими понятиями мыслила и жила.

И всегда завидовала тем, кто трудился на большом станке — резец там долго крутится, можно было и поспать. А на моем станке изготавливались детали мелкие, только успевай вертеться. Делали мы снаряды

для «Катюши». В просторечье деталь, которую я точила, называлась «сережка». Мастер лет пятидесяти, казавшийся мне глубоким стариком, все говорил — не засыпай, деточка, а то носом клюнешь, и вся красота твоя на станке останется. Но все равно доставалось — руки все в ципках — там эмульсия бежала, чтобы деталь не перегревалась.

После работы надо было дома немного поспать, и вечером бежать в театр на спектакль. Билеты были невозможны достать. Так я у мамы «тырила» мыло, отдавала контролерше, и она меня пускала посидеть в проходе на лестнице.

Много было командированных с фронта. В первых рядах партера сплошь сидели военные. Герои, орденосцы. Фронтовые летчики в унтах. Красавцы!

Увлечаться театром я начала, как многие, еще в школе. Ходила в кружок, читала стихи...

Впрочем, обычную школу я не закончила. Когда началась война, стала работать на заводе, а продолжила учебу в вечерней школе.

В то время я познакомилась с актрисой Антониной Михайловной Чепруновой. Она была эвакуирована с семьей из Киева. Муж, тоже артист, играл Ленина.

Жили рядом. Как-то разговорились, она рассказала, что ее мама хорошо шьет, но вот беда, швейная машинка в Киеве осталась. А у нас была лишняя машинка.

Она меня как-то послушала и говорит — хочешь поступать в театральный институт?

Я говорю, не знаю, но прочла одну вещь, вторую...

Она решила меня подготовить. А в это время вышел сталинский Указ — кто хочет поступать в ВУЗ или ушел в армию или на производство из института, того из армии или с предприятия отпускать.

Дело шло к Победе, и государство думало о том, а кто будет работать инженерами на заводах, фабриках, кто будет учить, лечить.

Вот и Георгий Иванович (муж Галины Васильевны, Георгий Иванович Горицков, впоследствии многолетний директор Камчатского театра драмы и комедии) ушел на фронт из театрального училища. И тоже в 44-м году вернулся с фронта в Омск в уже в ту пору театральный институт.